

С.Л. КУРАС

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПРЕДПОСЫЛКИ ССЫЛКИ В СИБИРЬ

(На примере ссыльных иудеев)

В последние годы в отечественной науке появляется все больше работ, посвященных изучению возникновения и эволюции отечественной преступности и ссылки. Данные исследования опираются на обширную базу, созданную дореволюционными исследователями Н.С. Таганцевым, В.И. Тарновским. Современные работы посвящены истории отечественной преступности, криминалистики, системе политического сыска.

На сегодняшний день исследователи занимаются изучением национальной — этнической преступности, однако в этих работах под термином «этническая преступность» понимаются только так называемые «кавказские группировки». Преступления последних рассматриваются только с точки зрения состава преступлений, как правило, носящих террористическую угрозу и опасность для общества. Поэтому на сегодня в отечественной историографии сохраняется определенный пробел в изучении причин появления преступных элементов у различных национальных групп населения Российской империи, что требует особого внимания со стороны исследователей.

Во второй половине XIX—начале XX вв. в ходе затянувшегося процесса модернизации российского общества появляется новая форма криминала — переплетение политических и уголовных преступлений, количество которых возрастало быстрыми темпами, затрагивая все слои населения. Поэтому совершенно справедливой является оценка современных исследователей о том, что преступность по своей сути является социальным продуктом. Более подробное рассмотрение причин возросшего к концу XIX в. уровня преступности может раскрыть нам особенности ссылаемых из западных регионов Российской империи в Сибирь преступников еврейской национальности.

Во второй половине XIX в. в центральных и западных областях Российской империи появляются национальные преступные группировки, которые формировались по принципу языковой и этнической принадлежности. Применительно к преступлениям, совершаемым евреями, мы даем новое определение — «этнические преступления», т.е. преступления евреев, которые совершались в силу существовавшего по отношению к ним ограничительного законодательства (Курас С.Л. Источники по истории ссылки евреев в Сибирь во второй половине XIX в.—февраль 1917 г. (на примере Иркутской губернии): автореф. дис. ... канд. ист. наук / С.Л. Курас. Улан-Удэ, 2006. С. 3).

Исторически сложилось, что в границах российского государства евреи занимали определенное место в экономической, политической, со-

циальной и других сферах жизни. Специфику занятой иудеями ниши определяла особая законодательная регламентация их жизни в пределах империи. Так, многочисленные запретительные законодательные меры оставили лишь несколько свободных для иудеев профессий, таких как торговля, ремесла. Однако, большая скученность в городах, постоянная конкуренция среди названных профессий еврейского населения не давала им возможности стабильного заработка и нормального существования. Таким образом, запретительные правила толкали обедневший, голодный народ на совершение преступлений за которые они осуждались на вечное поселение в Сибирь.

Этот вывод подтверждает статистика Министерства юстиции по судопроизводству, производимому в 1893 г. Наибольший процент из всех рассматриваемых в статистическом источнике преступлений у евреев за кражи и укрывательство кражи. В своде данных из всех преступлений иудеи на втором месте после католиков по численности осужденных за кражи: 361 осужденный у иудеев и соответственно 2762 осужденных у католиков, из 3332 заведенных уголовных дел по данному составу преступления (Свод статистических сведений по делам уголовным, производимым в 1893 г. в округе Варшавской Судебной палаты. СПб., 1897. С. 167). Также большая доля осужденных по статье «торговые обманы»: 38 иудеев были признаны виновными в этом преступлении из 84 эпизодов рассмотренных судебными палатами.

Весьма естественным на этом фоне выглядит вывод о том, что среди евреев самыми распространенными были экономические преступления. Поэтому совершенно логичной является точка зрения российского исследователя дореволюционной преступности Е.Н. Тарновского о том, что евреи отличались весьма слабым развитием тяжких и особо тяжких преступлений. В то время как лиц, осужденных за бродяжество и нарушение правил о паспортах, было больше иудеев (Тарновский Е.Н. Итоги русской уголовной статистики за 20 лет (1874–1894 гг.) / Е.Н. Тарновский. СПб., 1899. С. 168).

Кроме изменений, происходящих в экономической сфере западных окраин империи, о которых было сказано выше, происходит изменение традиционного уклада черты еврейской оседлости, в том числе и в образовательной среде. Необходимо отметить, что в еврейских семьях всех слоев населения, от владельцев торговых фирм до мелких ремесленников и неимущих «черты оседлости» всегда было осознание необходимости предоставления детям образования, однако, это обучение было чаще всего религиозным, на национальном языке идиш: образование ради самой идеи просвещения, знания истории и культуры своих предков, религиозно-литературного наследия и т.д. Таким образом, традиционное образование не ставило цели изучения практических навыков для овладения профессиями, знаниями культуры других народов.

В конце XIX–начале XX вв. происходят значительные изменения в структуре образовательной среды западных губерний Российской импе-

рии. Еврейское население стремится к обучению своих детей практическому образованию, лишённому национальной догматики. Решающую роль в этом процессе играло проникновение русского языка и русской культуры в повседневную жизнь еврейского среднего класса. Публицисты конца XIX в. отмечали, что еврейская молодежь очень хорошо говорила по-русски, рассуждая о политике, музыке, культуре (Полищук М. Евреи Одессы и Новороссии (Социально-политическая история евреев Одессы и других городов Новороссии 1881–1904) / М. Полищук. М., 2002. С. 225).

Изменения в образовательной среде традиционного населения «черты оседлости» приводят к появлению оппозиционных, антимонархических идей. Непосредственно через «черту еврейской оседлости» из-за границы, в Россию поступает литература антиправительственной направленности. Одним из результатов модернизации еврейского населения становится вовлечение их как в революционное движение, так и в организованные преступные группировки, переплетение деятельности которых способствовало «ниспровержению существующего в государстве общественного строя» (ГАИО. Ф. 34. Оп. 1. Д. 289. Л. 50).

В итоге общее количество преступлений, совершенных против общественного и государственного порядка за период 1874–1883 гг. по сравнению с периодом 1909–1913 гг. возросло с 13,2% до 55,4% (Смирнов М.А. Отечественная преступность и общественно-политическая ситуация в России во второй половине XIX–начале XX в. (1861–1917 гг.): дис. канд. ист. наук / М.А. Смирнов. Кострома, 2006. С. 105).

По данным статистики министерства юстиций в отличие от еврейского населения у мусульман практически отсутствуют осужденные по политическим мотивам. Исследователи связывают этот факт с политической инертностью и низким уровнем образованности данной группы населения империи (Перинов В.В. Уголовный сегмент мусульманской диаспоры Забайкалья: социальный портрет / В.В. Перинов // Исследования молодых ученых: межвуз. сб. ст. Вып. X. Улан-Удэ, 2007. С. 51).

Обозначенные выше изменения «черты еврейской оседлости» приводят к формированию нового типа личности: молодой человек, который отходит от традиционного еврейского образования на идиш, от традиционных занятий торговлей, стремится к получению светского образования на русском языке. Еврейская молодежь активно интересуется политикой, принадлежит к разным политическим партиям, движениям и течениям. Конечно, не всегда их деятельность носила мирный и законный характер. Нередкими были случаи, когда такие политические активные учащиеся сразу со студенческой скамьи попадали на скамью подсудимых, откуда их путь был только в Сибирь на отбывания наказания.

Таким образом, повышение уровня преступности среди еврейского населения Российской империи было связано с разрушением традиционной жизни евреев западных губерний: выселение из пограничной черты, из центральных городов, крайняя переполненность городов и

местечек, появление политических партий, часто носящих антигосударственный характер.

Подводя итоги можно констатировать, что социально-экономические изменения, происходившие на рубеже XIX–XX вв. в западных губерниях Российской империи, создавали новую форму преступлений — переплетение уголовного и политического состава деяния, а также формировали новый тип личности, который в большей степени стремился к изменению существующей политической и социальной реальности, а не к совершению преступного злодеяния.

Т.Л. КУРАС

ВОПРОСЫ НАДЗОРА МИНИСТЕРСТВА ЮСТИЦИИ ЗА СУДЕБНЫМИ ПАЛАТАМИ И ИНЫМИ СУДЕБНЫМИ ОРГАНАМИ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ В СВЕТЕ ПРОВЕДЕНИЯ СУДЕБНОЙ РЕФОРМЫ 1864 г.

До проведения в России судебной реформы 1864 г. организация работы судов была чрезвычайно сложна и запутанна. Разнообразие судебных инстанций соответствовали бесконечные варианты форм судебного процесса, рассмотрение дел могло тянуться годами (Немытина М. В. Суд в России вторая половина XIX–начало XX вв. Саратов, 1999. С. 4). Надзор Министра Юстиции за судебными органами заключался в рассмотрении отчетов о движении дел в судах, в пропуске определений Правительствующего Сената и в просмотре протестов губернских прокуроров на решения губернских судебных мест.

Судебные уставы 1864 г. провозгласили новые демократические принципы правосудия, ввели новую стройную систему судебных органов с четкой компетенцией. Были созданы две группы судов: мировые судьи и общие судебные установления, к которым относились окружные суды, судебные палаты и Кассационные департаменты Правительствующего Сената.

Уставы, преобразовавшие весь судебный строй, изменили в своей основе и взаимоотношения Министерства Юстиции с новыми судебными органами. По новому законодательству Министр Юстиции, не вмешиваясь в рассмотрение судами дел, приобрел обширные права общего надзора за судебными палатами, а также иными новыми судебными органами. Вместо старых узких забот о правильном разрешении отдельных судебных дел с этого времени в деятельности Министерства Юстиции выступили на первый план широкие задачи управления судебной частью и такого ее устройства, которое обеспечивало бы повсеместно правильное отправление правосудия (Министерство Юстиции за сто лет. 1802–1902. Исторический очерк. М.: Спарк, 2001. С. 332–333).

Для успешного осуществления возложенных на Министерство Юстиции обязанностей общего надзора большое значение имела правиль-